

образомъ помощь, содѣйствующая продолженію личной жизни индивидуума, можетъ быть названа добромъ, и даже такимъ добромъ, для котораго человекъ только и посланъ въ жизнь? И что же человекъ долженъ дѣлать, когда предъ нимъ нѣтъ страждущаго, кому онъ могъ-бы оказать помощь, нѣтъ никого, кому онъ могъ-бы сотворить добро? Изъ самой сказки мы видимъ, что есть отшельники, которые большую часть жизни проводятъ въ одиночествѣ и имъ некому творить добро; а между тѣмъ эти отшельники и суть тѣ мудрецы, къ одному изъ которыхъ и приходитъ царь для разрѣшенія важнѣйшихъ, по его мнѣнію, вопросовъ жизни? Что же долженъ и можетъ дѣлать такой отшельникъ большую часть своей жизни, т. е. тогда, когда очь остается одинъ и творить добро ему некому? Царь засталъ отшельника за копаніемъ грядокъ и, взявъ изъ рукъ отшельника лопату, самъ принялся за эту работу. Со стороны царя это понятно, онъ видѣлъ, что отшельникъ былъ худъ и слабъ и, втыкая лопату въ землю и выворачивая небольшіе комья земли, тяжело дышалъ,—царь хотѣлъ помочь, избавить отшельника отъ тяжкаго труда. Но самъ-то отшельникъ для кого столь тяжело трудился? До прихода царя съ нимъ никого не было, а когда пришелъ царь, то отшельникъ не только никакого добра *сейчасному* для него человеку, царю, не сдѣлалъ, но предоставилъ царю оказывать себѣ помощь. Если жизнь намъ дана только для того, чтобы дѣлать добро тому, „*съ кѣмъ сейчасъ сошелся*“, то и сему послѣднему жизнь дана для того же самого; *сама же по себѣ* ни наша жизнь, ни жизнь всякаго другого не имѣетъ, слѣдовательно, никакого значенія, или смысла, никакой цѣны?!. Если смыслъ жизни всякаго существа заключается только въ служеніи тому, „*съ кѣмъ сейчасъ сошелся*“, то зачѣмъ же намъ это существованіе, которое *само по себѣ* ничего не стоитъ, ни на что не нужно, никакого смысла не имѣетъ,—зачѣмъ намъ дѣлать другъ другу добро, т. е. взаимно поддерживать ни на что, кромѣ этой поддержки, ненужное существованіе? Мы говоримъ,—взаимно поддерживать ни на что ненужное существованіе,—потому что избавленіе отъ тяжкаго труда, помощь раненому, конечно, есть поддержаніе жизни, существованія, и поддержаніе такой жизни, такого существованія, которое нужно единственно для поддержанія только такихъ же, ни на что не нужныхъ, *самихъ въ себѣ* существованій. Для чего же все это? Если отшельникъ копалъ гряды для поддержанія собственнаго существованія, такъ какъ жилъ одиноко и дѣлать добро въ теченіе большей части своей жизни никому не могъ, то зачѣмъ же онъ жилъ, какой смыслъ имѣла его жизнь, имѣлъ-ли онъ право жить? Допустимъ, что отшельникъ копалъ гряды для того, чтобы урожаемъ съ этихъ грядъ помочь, сдѣлать добро другому,—то, значить, такому другому, *съ кѣмъ сейчасъ* еще не *сошелся*, и помочь которому могъ-бы не *сейчасъ*, а когда получится урожай, т. е. чрезъ болѣе или менѣе продолжительный срокъ, въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ, т. е. самъ отшельникъ поступалъ, слѣдовательно, совсѣмъ не такъ, какъ училъ поступать царя, который по самому положенію своему не можетъ заботиться только о томъ, „*съ кѣмъ сейчасъ сошелся*“. Чему же научилъ Толстой своими сказками? И какъ онъ смотритъ на земледѣльческій трудъ, который въ другихъ своихъ произведеніяхъ столь прославляетъ? Вѣдь весь смыслъ, все